

ловѣчества» (VI, 153), ибо «дѣятельность историческаго лица имѣла, кромѣ этихъ цѣлей (т.-е. вполне доступныхъ указанію результатовъ), еще другія, болѣе общія и недоступныя намъ цѣли» (VI, 154), какъ будто исправленіе историческихъ приговоровъ не входитъ въ работу развивающейся науки; но причина скептицизма гр. Толстого не здѣсь: онъ иронически относится къ самой идеѣ *bien public*, потому что для него только личная жизнь есть «настоящая», внѣ всевозможныхъ преобразованій (III, 1—2). Для него какъ бы не существуетъ различныхъ временъ съ измѣняющимися формами жизни: «говорять,—замѣчаетъ онъ, на примѣръ,—говорять—«въ наше время, въ наше время», такъ какъ воображаютъ, что нашли и оцѣнили особенности нашего времени, и думаютъ, что *свойства людей* измѣняются съ временемъ» (III, 85). Измѣняющіяся формы жизни, которыя кладутъ такую печать на личность и судьбу человѣка, для него не существуютъ. Отсюда одинъ шагъ до умаленія исторіи, до признанія за нею одной формы въ видѣ чисто механическаго сдѣленія фактовъ безъ внутренняго содержанія. Такъ оно и выходитъ по исторической философіи гр. Толстого: «цѣль волненій европейскихъ народовъ намъ неизвѣстна,—говоритъ онъ, на примѣръ,—а извѣстны только факты, состоящіе въ убійствахъ сначала во Франціи, потомъ въ Италіи, въ Африкѣ, въ Пруссіи въ Австріи, въ Испаніи, въ Россіи, и *движеніе съ запада на востокъ и съ востока на западъ составляетъ сущность и цѣль событій*» (VI, 156—157). Намъ извѣстны только факты! Сущность событій, весь ихъ смыслъ опредѣляется чисто механическимъ движеніемъ прилива и отлива народныхъ массъ, убивающихъ, грабящихъ и жгущихъ! Поэтому въ главной части своей исторической философіи, т.-е. въ послѣднихъ шести де-